

И. Я. Бергман

К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ ТВОРЧЕСТВА А. С. ПУШКИНА
В ЛАТВИИ

(Очерк Я. Райниса "Александр Пушкин")

А. С. Пушкин принадлежит к тем русским писателям, творчество которых пользуется особой известностью и любовью в Латвии. Его произведения, впервые появившиеся на латышском языке свыше ста лет тому назад, в эпоху становления молодой латышской литературы, до сих пор привлекают к себе пристальное внимание широкой латышской общественности. К переводу его произведений обращались виднейшие латышские поэты и писатели: Ю. Алунан, М. Каудзите, Р. Блауманис, Я. Райнис, В. Плудон, А. Упит, Л. Лайцен, Л. Паэгле, Я. Судраб-калн, М. Кемпе и многие другие. Без преувеличения можно сказать, что на латышский язык переведены почти все значительные произведения великого русского поэта. Библиография переводов сочинений Пушкина в Латвии насчитывает около тысячи названий (считая и перепечатки)¹. Крупным литературным событием культурной жизни Латвии явилось издание произведений Пушкина на латышском языке в пяти томах, осуществленное под редакцией Юлиа Ванага в 1967-1970 годах.

Издавна внимательно относилась к переводу произведений А. С. Пушкина латышская критика, пропагандировавшая творчество поэта на страницах латышской печати. Первые выступления о Пушкине, преимущественно информационного характера, относятся еще к 80-м годам прошлого века. Однако уже в 90-е годы XIX столетия латышская критика немало

1 Eglе K. Bibliogrāfija. - Grām.: Aleksandra Puškina. Kopoti raksti piecos sējumos, V. sēj., Rīga, 1970., 625.-686.lpp.

способствует глубокому ознакомлению массового латышского читателя с творчеством великого русского поэта. Важную роль в этом процессе сыграла прогрессивная критика Латвии.

Латышское литературоведение давно проявляет пристальный интерес к проблеме восприятия и оценки творчества Пушкина в Латвии. Эта проблема, обратившая на себя внимание еще на рубеже XIX-XX веков, получила особенно глубокое и разностороннее освещение в период Советской Латвии. Составлена полная библиография не только переводов произведений Пушкина, но и всей литературы о жизни и творчестве русского поэта, которая издавалась в Латвии на латышском языке, включая многочисленные статьи, рецензии, отзывы, поэтические посвящения Пушкину, появлявшиеся в латышской периодике и отдельных сборниках². Различным аспектам осмысления творчества великого русского поэта в Латвии посвящены статьи А.Упита "А.С.Пушкин и латышская литература"³, Я.Судрабкална "Пушкин у латышей"⁴, А.Ауструма "Дар Пушкина латышам"⁵, А.Григулиса "Неиссякаемый источник богатств. В связи с 125-летием со дня смерти Александра Пушкина"⁶, Э.Смильгиса "Пушкин и мы"⁷, А.Ба-

² E g l e K. Bibliogrāfija. - Grām.: Aleksandra Puškina. Kopoti raksti piecos sējumos, V.sēj., Rīgā, 1970., 686.-766.lpp.

³ U p i t s A. A.S.Puškina un latviešu literatūra. No krievu oriģināla tulkojis K.Blauss. - Grām.:Upīts A. Kopoti raksti. 20.sēj., Rīgā, 1952., 669.-675.lpp.

⁴ S u d r a b k a l n s J. Puškina pie latviešiem. - Grām.: Sudrabkalns J. Kopoti raksti. 4.sēj., Rīgā, 1960., 156.-159.lpp.

⁵ [A m b a i n i s V.] Austrums V. Puškina devums latviešiem. - "Cīņa", 1959., 6.jūnijā.

⁶ G r i g u l i s A. Neizsīkstošais bagātību avots. Sakarā ar Aleksandra Puškina 125.nāves dienu. - "Cīņa", 1962., 10.februārī.

⁷ S m i l g i s E d. Puškina un mēs. "Cīņas" specializdevums, 1949, № 50, 6.-8.lpp.

лодиса "Медный всадник" Пушкина на латышском языке" ⁸, Я.Гранта "Проза Пушкина на латышском языке" ⁹, Я.Османиса "Гений бессмертия (Жизнь Пушкина, творчество и переводы на латышский язык)" ¹⁰ и многие другие. Немало внимания данной проблеме уделено в книге В.Вавере, Г.Мацкова "Латышско-русские литературные связи" ¹¹. Наименее изученным, однако, представляется вопрос о восприятии и оценке творчества великого русского поэта латышской критикой, в отзывах и оценках которой ярко отразился сложный процесс рецепции пушкинского творчества широкой общественностью Латвии на разных этапах ее социального развития.

Данная статья посвящена вопросу восприятия творчества А.С.Пушкина прогрессивной литературной критикой Латвии 90-х годов XIX века. В центре внимания ее автора находится очерк Я.Райниса "Александр Пушкин".

90-е годы прошлого столетия - один из важнейших периодов в истории общественного развития Латвии. Эти годы ознаменованы деятельностью демократического движения латышской прогрессивной интеллигенции - "Новое течение", во многом способствовавшего развитию передовой демократической литературы Латвии. Большая роль в этом принадлежит прогрессивной латышской критике, виднейшими представителями которой являлись активные новотечения - Я. Райнис, Фр.Розинь, Я.Янсон-Браун и другие. В своей

⁸ B a l o d i s A. Puškina "Vara jātnieks" latviešu valodā. "Literatūra un Māksla", 1947, 11.aprīlī.

⁹ G r a n t s J. Puškina proza latviski. - "Cīņa", 1947, 30.maijā.

¹⁰ O s m a n i s J. Nemirstības gēnijs. (Puškina dzīve, dailrade un tulkojumi latviešu valodā). - Grām.: Aleksandrs Puškina. Kopoti raksti. Rīgā, 1970., V.sēj., 574.-621.lpp.

¹¹ В а в е р е В., М а ц к о в Г. Латышско-русские литературные связи. Рига, "Зинатне" 1965, с.66-72, 124-139, 308-310, 322-324, 400-404.

борьбе за развитие общественно значимой передовой демократической литературы Латвии они опирались на лучшие художественные достижения прогрессивной мировой литературы, в первую очередь на русскую реалистическую литературу, ориентируясь в основном на творчество современных им русских писателей.

В период "подготовки народной революции" (В.И. Ленин), когда вопросы политической и социальной борьбы становятся главными, в центре внимания литературной критики новотеченцев оказываются такие писатели, как А.П. Чехов, В.Г. Короленко, М.Гаршин и прежде всего Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский, которые в своих произведениях поднимали острые социальные проблемы, заставляли читателей напряженно думать, будили в них сомнения в прочности существующего строя.

В этой связи представляется закономерным, что новотеченцы сравнительно редко обращались к русской литературе первой половины XIX века, и, в частности, к Пушкину.

Так, в газете "Диенас Лапа", которая являлась в тот период печатным органом "Нового течения", в 90-е годы появляется сравнительно мало переводов произведений Пушкина. Из них - 7 лирических стихотворений, среди которых такие значительные стихотворения, как "Воспоминание" ("Когда для смертного умолкнет шумный день...")¹², "Брожу ли я вдоль улиц шумных..."¹³, "Туча"¹⁴. Все три стихотворения были опубликованы в 1893 году. Кроме того, в 1892

12 P u š k i n s A.S. Atminas. (Kad mirs tūgajiem beidzas dienas darbi). (Tulkojis) Leimanis. - "Diēnas Lapas" Feļetona turpinājums, 1893, 20.martā, 96. lpp.

13 P u š k i n s A.S. Vai staigāju pa lauku drūzmu! (Tulkojis) Leimanis. Turpat, 10.aprīlī, 118., 119. lpp.

14 P u š k i n s A.S. Mēkonis. (Vēl pēdīgais mēkons no bijušās aukas). (Tulkojis) P.V. Turpat, 27.martā, 102. lpp.

году были напечатаны переводы поэмы "Цыганы" ¹⁵ и "Сказки о золотом петушке" ¹⁶.

Однако это не означало, что новотеченцы недооценивали значение творчества А.С.Пушкина. И указывает на это прежде всего очерк Я.Райниса "Александр Пушкин", опубликованный в журнале "Маяс Виеса Менашракстс" в 1898 году. Появление его свидетельствовало о наступлении нового этапа в процессе восприятия творчества А.С.Пушкина в Латвии. По праву считаясь первым серьезным выступлением латышской критики о жизни и творчестве великого русского поэта, очерк Райниса неоднократно привлекал к себе внимание советских латышских исследователей ¹⁷. Однако, несмотря на широкую известность очерка, представляется необходимым еще раз обратиться к более подробному его рассмотрению.

До последнего времени очерк вызывал к себе интерес, главным образом, как факт творческой биографии Райниса - великого латышского поэта. Данное обстоятельство предопределило во многом судьбу очерка, как предмета исследования. В латышском советском литературоведении он рас-

---

15 P u ū k i n s A.S. Čigāni. (Kur valda brīvestības stārs). Aiz draudzības dāvina Bērziņu Jānim no tulkotāja Mierkalnu Frīča-Ciesas. - "Dienas Lapa" Feletona turpinājums, 1892, 11.julija, 217.-220.lpp., 18.julija, 225.-228.lpp.

16 Pasaka par zelta gailīti. (Tālu kādā zemes stūrī). Pēc A.Puškina pārdzejojās Mierkalnu Frīcis-Ciesas. - "Dienas Lapa" Feletona turpinājums, 1892., 6.jūnijā, 117.-119.lpp.

17 См., напр.: К р а у л и н ū К. J.Raiņa dzīve un darbība. Rīga, 1953, 208.-210.lpp. В а в е р э В., М а ц к о в Г. Латышско-русские литературные связи, с.129-131. О с м а н и с J. Nemirstības gēnijs. (Puškina dzīve, daiļrade un tulkojumi latviešu valodā). - Grām.: Aleksandrs Puškins. Kopoti raksti piecos sējumos. V.sēj., Rīga, 1970, 586.-587.lpp.; К н о р е В. Latviešu literatūras kritika 19.gs. otrajā pusē. R., 1962, 209.-211.lpp.

считывался преимущественно без учета тесной связи его с острой идеологической борьбой, которая развернулась в тот период в Латвии.

Между тем значение очерка Райниса несводимо только к вопросу осмысления творчества Пушкина латышским поэтом. Нельзя его ограничивать и одной, хотя и важной, но тем не менее локальной проблемой — рецензией творчества Пушкина в Латвии. Его значение гораздо шире, поскольку в Латвии появление очерка немало способствовало изменению представления о всей русской литературе.

Написанный в духе основных идейно-эстетических установок новотеченцев, очерк Райниса был тесно связан с борьбой прогрессивной латышской критики за литературу общественно значимую, близкую народным массам, проникнутую высокими гуманистическими идеалами. Одновременно с этим очерк был направлен против идейных противников новотеченцев — литературной критики консервативного лагеря, в частности, против их узкого, ограниченного представления о пушкинском творчестве как о творчестве сугубо романтического, что искажало истинный облик поэта. Об этом свидетельствует не только содержание очерка, но и его полемический пафос. Не случайно одним из главных исходных тезисов статьи явилось справедливое утверждение Райниса, что, несмотря на появление целого ряда произведений великого русского писателя на латышском языке, Пушкина в Латвии не знают. Эта мысль, дважды прозвучавшая в очерке, вступала в явное противоречие со всем тем, что писала о Пушкине, начиная с 80-х годов, латышская консервативная печать.

Кроме того, своим очерком Райнис выступил против неверной в своей сущности концепции русской литературы первой половины XIX века в целом, также созданной консервативными литературными кругами Латвии. Эта концепция, основывающаяся на представлении о русской литературе данного периода лишь как о романтической, суживала и обедняла ее

значение, а главное, отрывала и противопоставляла творчество русских писателей I-й половины и середины XIX века от дальнейшего литературного развития в России.

Наконец, определяя значение очерка, следует указать еще на один, весьма существенный момент. Очерк Райниса был направлен также против той трактовки биографии и творчества Пушкина, которая давалась в тогдашней русифицированной латышской школе, в гимназическом курсе русской словесности. Этот аспект представляется не менее важным, особенно если учесть, что в 90-е годы прошлого века уже все латыши "проходили" через русифицированную школу.

Указывая в самом начале очерка на огромное значение Пушкина для всей русской литературы, Райнис писал: "Начиная с Пушкина, русская литература становится подлинно русской и вместе с тем всемирной литературой" (117) ¹⁸. Этому способствовал, по мнению Райниса, глубоко гуманистический характер творчества Пушкина, произведения которого актуальны и в современную Райнису эпоху, т.е. несколько десятилетий спустя. "Пушкин был не толь. великим поэтом, но и великим человеком, в тяжелой! борьбе всю свою жизнь стремившимся к человеческому совершенству", - писал Райнис, напоминая при этом слова самого поэта:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал. (117).

Пушкин близок и современникам латышского поэта, отмечалось далее в очерке, своей верой в вечное обновление

¹⁸ Очерк Я. Райниса цитируется по изданию: R a i - n i s J. Aleksandra Puškina. - Grām.: Dzīve un darbi. Biogrāfija un kopoti raksti. 9. sēj., Rīgā, 1925. Далее страницы указанного издания будут приводиться непосредственно в тексте. Перевод принадлежит автору статьи.

жизни, "любовью к новому поколению, которому суждено встать на место старых поколений", вопреки взглядам "староверов", которые осуждают каждое новое поколение, осмелившееся идти дальше, чем "старые классики".

Однако главная мысль очерка Райниса, которая, в сущности, и определила его замысел, заключалась в том, чтобы показать латышскому читателю, что "Пушкин, будучи поэтом-художником, является основоположником русского реализма, того реализма, который нашел таких знаменитых проповедников (sludinātājus), как Гоголь, Достоевский, Лев Толстой" (117).

Именно в этом, по мнению Райниса, заключалась важнейшая заслуга Пушкина, огромный вклад, который был внесен поэтом в развитие всей русской литературы. Подобное определение значения Пушкина в тот период являлось принципиально важным для осмысления его творчества в Латвии. Оно не только утверждало истинное представление о поэте, но и указывало на существование живой глубокой преемственной связи между его творчеством и русской литературой последних десятилетий XIX века.

Райнис отчетливо осознавал значительность и серьезность выдвинутой им в очерке проблемы. Поэтому он стремился познакомить латышского читателя не только с жизнью и творчеством первого русского поэта-реалиста, но и с тем временем, "которое его вырастило".

Задача эта во многом предопределила характер очерка. Его нельзя считать вполне самостоятельным исследованием, отразившим оригинальные взгляды Райниса на творчество Пушкина. В нем Райнис широко использовал известные ему биографические данные о жизни поэта, привлекая помимо этого суждения о Пушкине его соотечественников - русских критиков В.Г.Белинского, П.В.Анненкова и др., включая, однако, и свои собственные наблюдения.

В самом начале очерка Райнис довольно подробно знакомит латышских читателей с предками поэта, его детством,

литературным окружением, с годами учения в Царскосельском лицее, справедливо полагая, что общение Пушкина с няней его Ариной Родионовной, чтение книг, творческая атмосфера, царившая в Лицее, оказали определенное влияние на развитие творческих способностей юного поэта. Вслед за Белинским автор отмечает также и воздействие на юного Пушкина творчества старших современников поэта: "пластичной, грациозной и гармоничной поэзии Батюшкова" (120) и произведений Жуковского. Характеризуя лицейские произведения Пушкина, посвященные в основном любви и пирушкам, как довольно поверхностные, Райнис тем не менее справедливо указывает на одно несомненное достоинство ранней лирики поэта. По мнению Райниса, она была чужда господствующего в тот период "мистического туманного и сентиментального романтизма" и уже в ней Пушкин, становясь на реальную основу, изображал "всем на этой земле знакомые радость и печаль" (120).

Существенно важным моментом явилось указание Райниса на то, что формирование мировоззрения молодого Пушкина происходит под влиянием декабристских идей. Райнис писал, что Пушкин встречается с такими людьми, как, например, П. Чаадаев, Н. Тургенев, Раевский¹⁹, которые "занимались общественными вопросами своего времени (...), он сочувствует им и их прогрессивным устремлениям (...), они оказывают на поэта глубокое влияние" (121).

Воздействие декабристской идеологии Райнис усматривает и в дальнейшем, во время ссылки Пушкина на юг. "Большое влияние на него оказывают разговоры с образованными друзьями в Кишиневе, он часто посещал (...), Раевских в Киеве и Давыдовых в имении Каменка, где (...), царили свободомыслие, без предрассудков, без мелкого страха, либерализм во всех проявлениях духов-

19 Я. Райнис, по всей вероятности, имеет в виду декабриста Владимира Раевского, с которым Пушкин был дружен на юге.

ной жизни. Поэт был очень благодарен этим друзьям, здесь окончательно сформировались его свободолюбивые взгляды на жизнь, которые сделали его любимым поэтом..." (124).

Не менее значительным событием в жизни Пушкина, вызвавшим его сочувствие и также повлиявшим на рост радикализма его политических идей, Райнис считал греческое восстание 1821 года, очевидцем которого стал Пушкин на юге. Перечисляя произведения, написанные поэтом в тот период, Райнис особое внимание обращает на попытку Пушкина создать политическую трагедию "Вадим", в которой, по мысли критика, поэт хотел изобразить восстание славянских народностей против чужеземного ига и показать движение народных масс. Райнис писал, что этой пьесой Пушкин хотел открыть в русской литературе эпоху "мужественных трагедий", которые, вытеснив пустые любовные пьесы, должны были бы, подобно драмам итальянского поэта Альфьери, пробудить в России гражданское самосознание.

В этой связи важно подчеркнуть, что Райнис был первым в Латвии, кто столь подробно осветил и верно оценил глубокие духовные связи Пушкина с передовой русской интеллигенцией того времени — декабристами, сыгравшими большую роль в русском освободительном движении. Знаменательно, что, по убеждению Райниса, именно декабристская идеология сделала Пушкина столь любимым поэтом в России. Таким образом, в противовес латышской консервативной критике, усматривавшей в свободолюбии поэта только лишь влияние Байрона, Райнис убедительно показывал, что в Пушкине полностью отразилось его время. Сопоставляясь с В.Г.Белинским, Райнис отмечал, что Пушкин, будучи одаренным высокой поэтической чувствительностью и способностью воспринимать и отражать различные чувства и впечатления, испробовал "все звуки, все аккорды своего времени". И было бы неверным утверждать, писал Райнис далее, что Пушкин подражал Андре Шенье, французскому поэту эпохи революция, или Байрону. Байрон его

привлекал не как образец, а как явление, как "властитель дум" века, а Пушкин "отдавал дань каждому великому явлению" (127). Определяя же характер сходства Пушкина и Байрона, Райнис писал, что оно проявилось в основном во внешней форме, а не в развитии идей.

Эта мысль Райниса представляется чрезвычайно важной, и высказана она Райнисом далеко не случайно, как, впрочем, не было случайным само обращение автора очерка к творчеству Байрона и проблеме байронизма.

Сближение Пушкина с Байроном производилось критиками весьма часто, начиная еще с 20-х годов XIX века, т.е. еще при жизни поэта. Одни - восторженные поклонники новой романтической литературы провозгласили Пушкина "северным Байроном", выражая этим свою похвалу, другие, из лагеря идейных противников поэта, суждения его о байронизме использовали для сведения Пушкина до роли простого подражателя, стремясь при этом набросить тень на его политическую "благонадежность". Впоследствии проблема "байронизма" Пушкина получила еще большее распространение в русском литературоведении ²⁰.

В возникшем в 30-е годы академическом пушкиноведении, представленном, в частности, трудами А.И.Незеленова, появляется новая концепция пушкинского творчества, сводившаяся в основном к следующему: "В начале своей деятельности поэт увлекался людьми тревожными, страстными, гордыми, не удовлетворяющимися ни собою, ни окружающей их жизнью. Он был тогда под влиянием поэзии и мысли Запада, он подчинял свою творческую силу поэзии Байрона".

²⁰ См. Благой Д.Л. Творческий путь Пушкина (1813-1826), М.-Л., Изд-во АН СССР, 1950, с.249-250. Жирмонский В. Байрон и Пушкин. Л., "Academia", 1924, с.13-14, 24-33. Томашевский В.В. Пушкин. Кн. первая (1813-1824). М.-Л., Изд-во АН СССР, 1956, с.411-413, 521, 638-640, 644-646.

"... в поэме "Цыганы" он уже положительно равенчивает гордый байронический характер...".

"С этого времени и в его сочинениях замечается спокойное чувство, он пишет произведения все в народном духе - сказки, повести; с особенной любовью останавливается он на изображении семейной жизни, семейного счастья и родственных привязанностей (...) всегда жившее в его сердце религиозное чувство теперь усилилось. Он так и умер, истинным христианином, просветленным и чистым" 21.

Эта весьма удобная для официальных кругов концепция получила в тот период широкое распространение в России, проникнув и в школьные учебники. Концепция А.И.Незавленова оказала влияние на восприятие пушкинского творчества определенными литературными кругами Латвии. Латвийская консервативная критика уже в 80-е годы, обращаясь к творчеству Пушкина, связывала появление свободомыслия в творчестве русского поэта прежде всего с именем Байрона. Так, например, было ошибочное толкование пушкинского творчества Э.Скуениеком, который в своей речи о Пушкине, прочитанной им в 1887 году в Рижском латышском обществе, трактуя проблему "байронизма" Пушкина в мировоззренческом плане, совершенно игнорировал воздействие самой русской действительности на формирование молодого поэта. Речь Э.Скуениека получила довольно широкую известность в Латвии. Она была опубликована в центральной латышской газете "Балтийс Вестнесис", а в 1894 году оказалась вновь напечатанной в книге "О том, о сем" 22. Влияние

21. Незавленов А.И. Шесть статей о Пушкине. СПб, 1892, с.2, 20, 115-116, 28.

22. V.K. A.S.Puškina. Priekšlasījums Rīgas Latv.biedrībā 29.februārī, 1887. - "Baltijas Vēstnesis", 1887, 27.februārī, 28.februārī, 2.martā. Vensku Edvarts (Ed.Skujenieks) A.S.Puškina (1887). - Grām.: Par šo un to. Ievērojumi un apcerējumi. 1.daļa. Rīga, 1894.

ее основных положений чувствуется во многих статьях о Пушкине латышской консервативной критики. Райнис, будучи одним из виднейших представителей "Нового течения", около четырех лет занимал пост ответственного редактора газеты "Диенас Лапа". Таким образом, само общественное положение обязывало его находиться в центре литературной борьбы новотеченцев с консервативным лагерем и знакомиться со всеми более или менее значительными литературно-критическими материалами, появлявшимися в буржуазной прессе Латвии в тот период. Кроме того, Райнис знал Э.Скуенника еще со студенческих лет, поддерживал с ним знакомство по прибытии в Ригу. Как видно из воспоминаний самого Райниса, он в те годы живо интересовался его литературной и общественной деятельностью²³. Все это дает основания предполагать, что Райнис знал не только о существовании, но и о распространении подобных взглядов на творчество Пушкина.

Уделяя в своем очерке немало места проблеме влияния Байрона на Пушкина, Райнис решительно выразил свое полное несогласие с трактовкой данной проблемы консервативной критикой, заявив, в частности, что латышская публика не имеет "никакого понятия" о Байроне, как, впрочем, и о Пушкине. К проблеме "байронизма" в творчестве русского поэта Райнис подходил с принципиально иных позиций, опираясь в своих рассуждениях прежде всего на концепцию В.Г.Белинского, как на единственно верную в этом сложном, запутанном вопросе. Исходя из понимания того, что определяющим моментом для формирования идейно-художественного своеобразия поэта являются прежде всего конкретно-исторические условия и индивидуальность поэта, Райнис ни в коем случае не считал "байронизм" исходным, тем более единственным моментом для объяснения определенных мотивов пушкинского творчества.

---

²³ R a i n i s J. Senču aizvējā. - Grām.: Dzīve un darbi. Biogrāfija un kopoti raksti. 9.sēj., Rīgā, 1925., 22.lpp.

В то же время Райнис не отрицал, что Байрон и "байронизм" сыграли известную роль в истории духовного развития России и, в частности, в жизни Пушкина, который, по выражению Райниса, "долгие годы находился под впечатлением байронизма", а потом почти до конца своей жизни боролся против него" (127). Однако, определяя эту роль, он исходил из верного представления, что Байрон и "байронизм" — явления отнюдь не тождественные. В очерке отравилось пронизательное понимание Райнисом того, что "байронизм" как общественное умонастроение, порожденное огромным влиянием творчества английского поэта на мировую литературу, проявлялся в разных странах по-разному.

Касаясь судьбы русского "байронизма", Райнис писал, ссылаясь на неизвестный источник, что "политическая сторона байронизма в России почти полностью исчезает; на первом месте оказывается гордое и ненавистное отрицание старых обычаев, предрассудков и всяких приличий и стремление к неограниченной свободе личности, которое проявилось в глубоких, сильных и демонических страстях" (123). Однако, по мнению Райниса, и это "гордое превратительное отрицание старых предрассудков", как и "стремление к неограниченной свободе личности", в крепостнической России того времени были весьма и весьма ограниченными. Сильные демонические страсти, писал Райнис, проявляли свое отрицание не в решении общественных проблем, а в плане личного общения между людьми, да и то лишь в некоторой степени. Пытаясь выявить сущность этой достаточно сложной проблемы, Райнис сделал, на наш взгляд, довольно меткие наблюдения, весьма удачно охарактеризовав одну из сторон русского "байронизма". Однако было бы явным преувеличением считать, что ему удалось показать всю сложность проявлений "байронизма" в России. Впрочем, Райнис и не ставил перед собой подобной задачи, ибо его цель состояла в другом — доказать, что влияние такого "байронизма" на Пушкина не могло иметь глубоких послед-

ствий и что только переезд поэта на юг, пестрая вольная жизнь, помогли на время "вжиться" в тот "байронизм", который был возможен в ту эпоху в России, а затем в период пребывания поэта в Михайловском и "преодолеть" его.

В вопросе же об увлечении Пушкина творчеством Байрона Райник совершенно справедливо полагал, что при всем величайшем национально-русском своеобразии своего гения, Пушкин, будучи европейски образованным человеком, интересовавшимся событиями своей эпохи, не мог творчески не откликнуться на вольнолюбивые произведения Байрона, столь родственные ему по духу. Великий английский поэт вызывал глубокие симпатии Пушкина своей защитой прав индивидуальности против господства в обществе сословных предрассудков, своим требованием свободы мысли от авторитетов, своей борьбой за свободную предприимчивую деятельность личности, наконец, всей своей глубокой неудовлетворенностью жизненным укладом общества того времени, которому чувствовал и сам Пушкин. (129).

Причины, обусловившие возникновение духовной близости двух гениальных поэтов, Райник усматривал прежде всего в той общей духовной атмосфере, которая царила в Европе и в России в 20-е годы начала XIX века, когда в литературе, в искусстве и в философии господствовали вольнолюбивые стремления, но как справедливо подчеркивал Райник, стремления к свободе индивидуальной, а не к свободе народных масс (см. 131).

Отсюда общие черты романтической поэзии Пушкина и Байрона, близость их "страстных, так живо протестующих" певических образов, которые "когда-то чувствовали, верили, любили, живя в "цивилизованном обществе". Но оно обманывало их надежды «...», ограничивало их волю - и они ослабили это "общество", глубоко ненавидя его и отчаянно стремясь к успокоению в природе, среди "нецивилизованных людей" - среди турок, цыган и т.д. Отчаяние приводит их к оплакиванию чувств, к презрению людей, т.е. толпы. Здесь

идеализируется индивидуальность, гордая и могучая, но в то же время мелко эгоистичная" (130).

В этой неудовлетворенности романтических героев, Райнис справедливо усматривал также и выражение личного протеста обоих поэтов, выступавших против того общества и его морали, к которому они сами принадлежали и которое задерживало свободное развитие индивидуальности этих гениальных поэтов. При этом Райнис пояснял, что "в те времена словом "общество", "народ" обозначали только "лучшие" сословия, низшие сословия не принимались во внимание" (130).

Однако более существенным и ценным было то, что Райнис указал на принципиальное расхождение Пушкина и Байрона, наметившееся уже на юге, которое, в сущности, заключалось в отношении обоих поэтов к своим протестующим героям. Объясняя характерное для Байрона возвеличивание гордого героя — индивидуалиста, Райнис писал, что Байрон боролся за свободу индивидуальности в своем классе. Он гениально понял и высказал страдания человеческой личности, задыхающейся под гнетом "сословных авторитетов и предрассудков". Однако английский поэт не смог "подняться над своим классом и над своим временем" в защиту всех угнетенных, в защиту "толпы", которая страдала еще более, чем его идеализированные герои-индивидуалисты Каин и Манфред. Байрон-романтик, по убеждению Райниса, "не знал, куда идти дальше в своих стремлениях к свободе, он не знал, куда вести своих сторонников. <...> Только своим последним шагом, своей героической борьбой и смертью за дело свободы — свободы греческого народа" он искупил свои романтические заблуждения (132).

Пушкин же, по мнению Райниса, наоборот, уже в период романтических увлечений критически относился к своим героям-индивидуалистам, противопоставляя им простой народ как истинного носителя свободы и человечности.

"Уже в "Кавказском пленнике" и еще яснее в "Цыганах"

заметно, что Пушкин как будто сомневается в истинности отчаяния своих героев и стоит не на стороне страстного, мстительного Алеко, но спокойного добродушного старика, отца Земфиры" (133).

Эти сомнения Пушкина в истинности отчаяния своего героя-индивидуалиста, обращение поэта к народу в связи с поисками положительного идеала предопределили в конце концов, по мнению Райниса, и трезвую оценку Пушкинским творчеством Байрона. Пушкин и Гете были единственными, кто его понял; Пушкин писал после смерти Байрона в одном из своих писем: "... тебе грустно по Байроне, а я так рад его смерти, как высокому предмету для поэзии. Гений Байрона бледнел с его молодостью (...), постепенности в нем не было, он вдруг созрел и возмужал - пропел и замолчал; и первые звуки его уже ему не возвратились..." (XIII, 99).

Окончательное преодоление романтизма, как и изживание поэтом байронических настроений, Райнис усматривал в следующем периоде творчества Пушкина, который совпал с его переездом в Михайловское. Жизнь поэта в Михайловском способствовала, по мнению Райниса, близкому знакомству поэта с простым народом, его жизнью и творчеством.

Характерно, что приобщение Пушкина к народу в латышской консервативной критике трактовалось преимущественно в плане романтическом - как постижение поэтом национального духа русского народа, в связи с чем критиками чрезмерно преувеличивалось значение русского фольклора для пушкинского творчества.

Райнис, напротив, в обращении поэта к фольклору видел стремление Пушкина найти выход из романтических мотивов. Автор очерка отмечал, что Пушкин в тот период становится одним из первых русских "собрателей народного творчества". "Особенно его привлекали песни о грозном крестьянском вожде Стеньке Разине, который еще в настоящее время является пугалом для помещиков". Райнис писал и о том интересе, который Пушкин проявлял к

поэтической форме русского народного стиха. "Он пишет также в размере русских лирических и эпических песен". Любопытна, в частности, одна деталь, отмеченная Райнисом. Указывая на широко известный в Латвии факт из биографии поэта, на роль няни Арины Родионовны, во многом способствовавшей глубокому знакомству поэта с русским народным творчеством, Райнис писал, что Пушкин не только слушал сказки и песни, которые ему пела и сказывала няня, но и сам "читал ей свои сочинения" (134).

Эти наблюдения Райниса, обнаруживающие широту интереса поэта к народной поэзии, о его поисках в народном творчестве наиболее значительных, волнующих тем, наконец, забота поэта о понятности своих стихов для простого читателя, весьма знаменательны. Они указывали на характер отношения Пушкина к фольклору, который определялся уже в ту пору его реалистическим пониманием народности литературы. При этом Райнис был весьма далек от преувеличения роли фольклора. Интерес Пушкина к народному творчеству выступает в очерке Райниса как один из факторов, обусловивших переход Пушкина к реализму. Преодоление романтических иллюзий Пушкина способствовала, по словам Райниса, сама русская жизнь, окружавшая поэта в Михайловском. "Грубая и простая окрестность Пскова производит на поэта глубокое впечатление...". В поэте, писал Райнис, "неявно начинает пробуждаться сознание того, что в народе скрывается та настоящая жизнь, то спасение, которое он давно искал; не надо убегать из "цивилизованного общества" в дикари, но необходимо убедиться, что в народе поле деятельности <..> Он думает об отмене крепостного права, товарищем и другом его стремлений становится Мицкевич" (133-134). Я. Райнис ошибался, считая, что Пушкин познакомился с польским поэтом в ссылке. Их знакомство состоялось позднее в Москве; однако это упоминание об А. Мицкевиче, выдающемся деятеле освободительного движения, который в тот период также находился на

положении опального поэта, еще более подчеркивало прогрессивный характер идей и настроений, овладевших Пушкиным в Михайловском.

Характеризуя круг занятий поэта в тот период, Райнис отмечал широту и разносторонность интересов Пушкина. Автор очерка писал, что в сельской тишине Пушкин зачитывается историческими романами Вальтера Скотта, внимательно изучает драмы Шекспира, обращается к историческим трудам Тацита, Карамзина.

Перемена, происшедшая в мировоззрении Пушкина, как справедливо полагал Райнис, предопределила изменения и в его эстетических позициях. "Понемногу происходит перемена не только в политических взглядах поэта <...>, но и в эстетических <...>. От блестящего, звенящего романтизма и байронизма он приходит к объективному серьезному реализму, и этот реализм, наконец, и становится тем положительным идеалом, благодаря которому он (Пушкин - И.Б.) так глубоко отличается от Байрона и перерастает его. Ибо этот реализм в поэзии близко связан с жизнью народа, "толпы", основывается на ее признании и изучении"; проникнутый гуманистическими идеями этот реализм "учит уважать народ и стремится охватить его сущность (*istenību*) и силу (*varenību*)" (134).

Гений Пушкина, еще и еще раз утверждал Райнис, с самого начала его творчества был реалистического направления. Как уже отмечалось, Райнис утверждал, что и лицейские стихи Пушкина были написаны под прямым воздействием жизни. Непосредственная связь с окружающей действительностью чувствовалась также и в произведениях романтического периода. Истинно значительным в этих произведениях, по мнению Райниса, являются не идеи или характеры героев, которые, по его словам, неопределенны и искусственны, но свежие, красочные описания природы и правдивые изображения жизни и быта.

Первым же истинно реалистическим произведением Пушки-

на, как утверждал Райнис, "явилась драма "Борис Годунов" или "Комедия про царя Бориса" (как она называлась ранее)²⁴, которую поэт создал в тихом Михайловском и которая позже вызвала столько шуму во всей России" (135). Обосновывая свое суждение, Райнис отмечал, что драма "Борис Годунов" принципиально отличается от всех предыдущих произведений поэта. В ней впервые наиболее полно и последовательно отразились основные принципы реалистической поэтики. "В драме "Борис Годунов" больше нет и в помине прежних бурных страстей <...> неудовлетворения, поисков, отчаяния..." Характеры даны "без стремительных, трескучих страстей", весь ход событий "спокоен, хотя и волнует до глубины души" (137-138).

Драма "Борис Годунов", проникнутая "широкой и всепостигающей любовью поэта", свидетельствовала, по мнению Райниса, о глубоком понимании людей самим творцом драмы, который все прощает и никого не наказывает. "Но несмотря на все это, характеры в "Борисе Годунове" не идеализированы. Борис, пришедший к власти через преступления, относится к каждому с недоверием, так же как Гришка в роли царского сына остается Гришкой" (137).

Думается, что слова Райниса о "всепрощении" и о "всепостигающей любви" Пушкина ни в коем случае не следует понимать в духе толстовского учения, которое категорически отвергалось новотеченцами и, в частности, самим Райнисом. Приведенная, не совсем удачно, на наш взгляд, сформулированная фраза Райниса, несомненно, свидетельствовала о другом, а именно - о глубоком осмыслении сущности новых эстетических завоеваний Пушкина. "Всепрощение" и "неосуждение" означали, по мысли Райниса, отсутствие в драме того субъективно-авторского, лирического начала, которое было ведущим в творчестве Пушкина доми-

²⁴ Я. Райнис неточно переводит первоначальное заглавие "Бориса Годунова" ("Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царя Борисе и Гришке Отрепьеве"; VII, 290).

хайловского периода, и, кстати, чувствуется и в "Евгении Онегине". В "Борисе Годунове" в полной мере восторжествовал тот объективный реалистический подход поэта к изображению событий и созданию исторически правдивых характеров людей - участников грандиозной исторической панорамы, который был предопределен требованиями новой реалистической эстетики. Пушкин так определял его: "Не он (драматический поэт - И.Б.), не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие должно было говорить в трагедии, - но люди минувших дней, их умы, их предрассудки. Не его дело оправдывать и обвинять, подсказывать речи" (XI, 131).

С другой стороны, эта "всепостигающая любовь", охватывающая, по мнению Райниса, всю драму, совершенно исключала беспристрастный объективистский характер изучения и изображения исторических событий. Она явилась важной предпосылкой глубокого и верного постижения поэтом истории, что нашло свое отражение в идейном содержании драмы - в изображении "судьбы народной" и в утверждении Пушкиным решающей роли народа в историческом развитии.

"Пушкин искал идеалы в б у д у щ е м (выделено Райнисом - И.Б.) и в прошедшем, и его идеалы не были вечно недостижимыми для людей", - утверждал Райнис. - Пушкин "нашел новую жизнь в народе" (133, 138).

Итак, главным и определяющим для Райниса в его оценке "Бориса Годунова" была истинная народность пушкинской драмы. В ней, по словам Райниса, "благородная высокая поэзия" сочетается с "правдивыми реалистическими изображениями жизни"; а язык драмы такой "красивый и возвышенный" вместе с тем был так прост и близок к речи простого народа, без каких-либо особых украшений и искусственной пышности, так ясен и понятен... (137).

Проводя параллель с творениями Гете, усматривая близость "Бориса Годунова" к трагедиям великого немецкого писателя "Ифигения в Тавриде" и "Торквато Тассо",

Райнис утверждал, что драма Пушкина стоит выше их "своей жизненной реальностью и простотой, близостью к народу <...> Начиная с "Бориса Годунова", русские могут считать начало новой блестящей эпохи - начало реализма" (137).

Как правильно полагал Райнис, с формированием реалистического метода в творчестве Пушкина тесно связано обращение поэта к прозе. Пушкин "пишет в 1827 году "Арапа Петра Великого", обратившись к прозе, к которой также и теперь более всего прибегают реалисты" (138). Однако Райнис лишь упоминает о "Повестях Белкина" и об "Истории села Горюхина", написанных Пушкиным в Болдинскую осень 1830 года, а по поводу "Капитанской дочки", созданной поэтом под впечатлением работы над историей Пугачевского восстания, Райнис писал: "Как настоящий реалист он выезжает смотреть места событий своего рассказа, что теперь считают особой заслугой французских натуралистов..." (141). К сожалению, более подробной характеристики прозы Пушкина Райнис не дал. Не исключено, что в этом отношении на взгляды Райниса повлияла недооценка пушкинской прозы русской революционно-демократической критикой.

Сравнительно подробная характеристика была дана Райнисом последнему десятилетию жизни и творчества Пушкина. По всей вероятности, автор очерка глубоко осознавал важность и сложность сложившейся вокруг Пушкина ситуации, приведшей его к гибели. При этом следует отметить, что именно этот период по сравнению с другими вызвал у Райниса противоречивые представления о Пушкине, что объясняется объективными причинами.

Как уже отмечалось выше, Райнис, обратившись к Пушкину, исходил из конкретно поставленной задачи: как можно подробнее рассказать о его жизни и творчестве латышскому читателю, дезориентированному глубоко ошибочным толкованием Пушкина латышской консервативной критикой. Субъективным суждениям и необоснованным выводам последней Райнис стремился противопоставить в очерке такое

освещение творчества поэта, которое основывалось бы прежде всего на фактическом материале, осмысленном с передовых идеологических позиций своего времени. В этой связи основное внимание автора оказалось направленным на освещение жизни поэта и "времени, из которого он вырос".

Райнис, как уже указывалось выше, опираясь на статьи Белинского, одновременно широко обращается и к другим исследователям пушкинского творчества: к П.В.Анненкову, используя, по всей вероятности, его "Материалы для биографии Пушкина"; к статьям Аполлона Григорьева, к воспоминаниям А.Мицкевича. Возможны и другие источники, не упомянутые Райнисом. Среди них, по-видимому, следует назвать книгу А.И.Герцена "О развитии революционных идей в России", в которой немало места было уделено характеристике деятельности и творчества русских писателей и поэтов, в частности, А.С.Пушкина, в связи с русским освободительным движением. О том, что Я.Райнис мог познакомиться с этой книгой А.И.Герцена, свидетельствуют воспоминания Доры Стучки о Райнисе, которая писала, что латышский поэт, находясь в 1893 году в Швейцарии, много времени проводил в библиотеке, изучая запрещенные в России произведения А.И.Герцена²⁵. Помимо этого, некоторые сведения о личности А.С.Пушкина Я.Райнис мог почерпнуть из "Записок о жизни и сочинениях Н.А.Полевого" К.А.Полевого, которые были изданы в 1888 году и могли в тот период привлечь внимание Райниса²⁶. Все это дает основание полагать, что Райнис был довольно хорошо осведомлен о состоянии современного ему пушкиноведения и старался наиболее полно использовать его результаты. Учитывая это, нельзя

25 См. об этом в книге: K r a u l i ņ ģ K. J. Raiņa dzīve un darbība, 46., 123.lpp.

26 Полевой К.А. Записки о жизни и сочинениях Н.А.Полевого. Спб., 1888, с.195-204, 275.

упускать из виду, что степень изученности как пушкинского поэтического наследия и эволюции его мировоззрения, так и отдельных моментов его биографии была по целому ряду причин далеко не удовлетворительной. В особенности это касалось последнего периода творчества поэта. Поэтому кажется естественным, что наряду с объективно истолкованными сведениями о Пушкине, Райнис мог почерпнуть и ряд не изученных в достаточной степени, ошибочно прокомментированных данных.

Так, например, Райнис явно недооценивал исторические труды поэта. По его мнению, они "не соответствовали его гению и поэтому были слабы", и только лишь материальная заинтересованность побудила Пушкина к работе над ними (141).

Неизученность пушкинского мировоззрения последних лет его жизни обусловила и неверную в целом оценку Райниса политических взглядов Пушкина, сформировавшихся в период николаевской реакции. Так, Райнис усматривал, что Пушкин эволюционировал в сторону славянофильства. "Позднее Пушкин присоединяется к так называемым славянофилам и опускается до ура-патриотизма" (134)²⁷. Обратившись к воспоминаниям польского поэта А. Мицкевича, Райнис весьма тонко подметил то непонимание, которое установилось между Пушкиным и его бывшими друзьями и единомышленниками - радикально настроенной русской интеллигенцией, близкой декабристскому движению, но, не располагая достаточными данными, не сумел объяснить его.

"Пушкин изменился в своих взглядах <...> публика охладела к своему любимому поэту; она отвернулась от него

27

Следует отметить, что причисление поэта к лагерю славянофилов было явно ошибочным, ибо славянофильство как направление в русской общественной и литературной мысли оформилось гораздо позднее, а именно в 40-е годы XIX века.

не из ненависти, но потому, что не нашла в нем поддержки. Она хотела, чтобы поэт был вождем ее совести, проповедником <...> ее любимых идей.

В первых произведениях поэта звучал протест, затем позднее отчаяние, скептицизм, охлаждение воспаленной фантазии, наконец, восхищение славянской древностью. Но что дальше? Пушкину нечего было больше сказать: он потерял свое мужество уже с 14 декабря. Он начал смеяться над энтузиазмом своих друзей, их философскими идеями, их либерализмом.

И Пушкин, - продолжал далее Райнис, - писал стихи "Клеветникам России", в патриотическом духе, упрекая также Мицкевича. За стихами "Клеветникам России" последовала "Бородинская годовщина" (140).

По мнению Райниса, эта эволюция в политических взглядах произошла у Пушкина под некоторым влиянием ряда консервативно настроенных друзей поэта, в частности, русского поэта Жуковского ("весьма уважаемой при дворе персоны", по определению Райниса), а также была вызвана сложными взаимоотношениями поэта со светским обществом. Райнис считал, например, "ура-патриотические" стихотворения Пушкина своего рода уступкой поэта высшим кругам, так как в связи с женитьбой "ему нужно было больше приспособиться к условиям жизни "общества", а также <...> к его мыслям" (140).

Однако, думается, что восхищение Райниса гением Пушкина и глубокое уважение к личности поэта, которые также нашли свое отражение в очерке, удерживали его автора от того, чтобы серьезно поверить в искренность определяемых им политических заблуждений поэта. Не случайно Райнис неоднократно совершенно справедливо указывал, что "гений Пушкина намного превосходил (рягакс) свое время" (121, 138), и неустанно напоминал о тяжелой, унижительной для поэта материальной зависимости, которая чрезвычайно ограничивала самостоятельность Пушкина.

Сложной, довольно запутанной проблемой представлялся Райнису вопрос о взаимоотношениях поэта со светским обществом. С одной стороны, Райнис явно преувеличивал предвзятое мнение о честолюбивых стремлениях Пушкина и связанные с этим сомнения поэта. В очерке указывалось на "необходимую, унаследованную от отца, страсть попасть (буквально "втиснуться" - *iesprieties*) в высшее светское общество, которое так никогда и не признало его своим. Эта страсть не оставляла его всю жизнь и привела к отчаянию и преждевременной смерти (...)

Пушкин и его судьба в этом отношении напоминают Лермонтова, который также стремился в высшее общество; и тем не менее оба ясно осознавали всю поверхность светской жизни" (121).

Так, по мнению Райниса, Пушкин "не верил в нравственность "общества", в правоту и серьезность его деятельности, он не верил больше, что от "лучших фамилий" придет спасение и новая жизнь. Но осознание этого еще было соединено со страданием, ему нужно было переломить и перебороть себя" (138).

Отсюда, по мысли Райниса, чувство глубокой неудовлетворенности собой, которая отразилась в ряде лирических произведений Пушкина. "Он называет свою жизнь "напрасным даром", свое сердце пустым, свой ум - лишним, он в гневе и отвращении отгораживается от толпы филистеров, понимающих только такую поэзию, которая преследует узкие практические цели, и вместе с отвращением к его окружению в поэте растет самосознание (стихотворение "Поэт")²⁸. Он чувствует себя выше интеллигенции своего времени, в которой не было ничего настоящего и высокого, ни боли отчаяния, не говоря уже о протесте" (138).

С другой стороны, Райнис совершенно справедливо указывал на лицемерное отношение к поэту светского общества,

²⁸ Райнис, очевидно, имел в виду стихотворение Пушкина "Поэт и толпа".

которое ненавидело и преследовало Пушкина до конца его дней.

В очерке Райниса с подлинным драматизмом передана та тяжелая атмосфера, которая создавалась вокруг Пушкина в последние годы его жизни. Райнис показал духовное одиночество поэта, злобные нападki официальной критики, твердившей об усадке его творчества и тем самым, по меткому замечанию Райниса, демонстрировавшей свое "полное непонимание духа поэта", непрекращавшийся надзор полиции "высочайшего" цензора. Все это глубоко трогало "чуткого, легко возбуждавшегося поэта", рождало в его душе горькие чувства "отравления и усталости" (141).

Райнис убедительно раскрыл перед латышским читателем нарастающие непримиримого конфликта между поэтом и великосветскими кругами, причины которого он справедливо усматривал в "независти и зависти "лучшего общества", не простившего поэту его нравственного и духовного превосходства" и боровшегося против него с присущей этому обществу злобой и лицемерием. Обострившийся конфликт привел к катастрофе - дуэли Пушкина с бароном Геккерном-Дантесом, завершившейся трагической смертью великого поэта.

Райнис писал о последних часах жизни Пушкина: "Лицом к лицу со смертью, раненый, упавший на землю, Пушкин еще приподнялся и с полным гнева лицом выстрелил в своего противника - его нестигаемая жизненная энергия хотела уничтожить истинного врага - общество" (142).

Но, как многозначительно заключал Райнис, "одна индивидуальность мала для такой борьбы" (142).

Очерк, с одобрением встреченный всей прогрессивной латышской общественностью, на что указывает, например, отзыв писателя Я.Порука ²⁹ и повторная публикация очерка

---

29 [P o r u k s J.] J.P. Aleksandrs Sergejevičs Puškina. - "Majas Viesa Mēnešraksts". 1899, № 6., 397.-398. lpp.

в газете "Дienas Lapa" в 1899 году³⁰, в значительной степени повлиял на дальнейшую судьбу восприятия творчества А.С.Пушкина в Латвии.

Об этом прежде всего свидетельствуют как многие материалы латышской критики, широко отклинувшейся на празднование 100-летия со дня рождения великого русского поэта, так и появление в периодической печати Латвии переводов целого ряда значительных произведений Пушкина: "Анчар"³¹, "Вновь я посетил..."³², "Няне"³³, "Памятник"³⁴, "Бесы"³⁵, "Дар напрасный, дар случайный"³⁶, отрывков из романа "Евгений Онегин"³⁷ и некоторых других.

³⁰ (R a i n i a. J.) X. Aleksandra Sergejevičs Puškina. - "Dienas Lapa". 1899, 19.maijā, 20.maijā, 22.maijā.

³¹ P u š k i n s A.S. Ančars, (Nāves koks). (Zem saules kvēles kails un vārgs.) Tulk.Fr.Ad(amo)vičs.- "Mājas Viesa Mēnešraksts", 1899, Nr.5, 391.lpp.

³² P u š k i n s A.S. Atkal dzimtenē. (...No jauna apmeklēju to zemes stūrīti.) Atdzejojis Fr.Adamovičs. - "Austrums", 1899, Nr.5, 354.lpp.

³³ P u š k i n s A.S. Aukleij. (Tu mana dūja uzticamā). Atdzejojis Fr.Adamovičs. Turpat, 354.lpp.

³⁴ P u š k i n s A.S. Pieminekļis. (Sav gara pieminekļi cēlu lepnu dabu). Tulk. -... (R.Blaumanis). - "Dienas Lapa", 1899, 26.maijā. - "Mājas Viesis", 1899, 26.maijā.

³⁵ P u š k i n s A.S. Jodi. (Padebeši joniem traucās). - Atdzejojis Līgotņū Jēkabs. - "Latviešu Avīzes", 1899, 26.maijā.

³⁶ P u š k i n s A.S. 26.maijā 1828.g. (Gadlījuma vēltis balva). Atdzejojis Līgotņū Jēkabs. - "Latviešu Avīzes", 1899, 26.maijā.

³⁷ No romāna "Jevgeņijs Onegins". Tulk.Fr.Adamovičs.- Grām.: P u š k i n s A.S. Vīna dzīve un darbi, ar viņa dzejisko ražojumu paraugiem, parlatviskotiem no vairākiem mūsu rakstniekiem. Uz Puškina jubileju 26.maijā 1899. Rīgā, 1899, 96.lpp. 1. l.p.gim. Там же были помещены стихотворения "Анчар", "Вновь я посетил...", "Няне", "Бесы", "Памятник" и другие в переводе Ф.Адамовича, Я.Яншевского, В.Гудимонса.

Однако очерк Райниса был важен не только тем, что, раскрыв истинное значение творчества А.С.Пушкина, он расширил и углубил представление латышского массового читателя о великом русском поэте. Не менее существенным являлось то, что его автор — Я.Райнис и после разгрома «Нового течения» продолжал активно пропагандировать прогрессивные идеи новотеченцев, последовательно выступая за развитие демократической литературы Латвии, за ее тесную связь с передовыми устремлениями эпохи.

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР
Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки
Кафедра русской литературы

Ученые записки
Латвийского государственного университета
имени Петра Стучки
том 215

П У Ш К И Н С К И Й   С Б О Р Н И К

Выпуск 2

Редакционно-издательский отдел ЛГУ им. Петра Стучки
Рига 1974